

ЮРИЙ АНДУГАНОВ (Йошкар-Ола)

К ИСТОРИИ СОГЛАСОВАНИЯ НА УРОВНЕ ФОРМЫ СЛОВА В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ *

Мнение о том, что уральский язык-основа обладал богатой морфологической системой, приобретает все больше сторонников. Эту нетрадиционную теорию в новом плане осветил М. Корхонен, который на основе анализа морфонологических чередований, имеющих место в финно-угорской лексике, показал, что реконструкция финно-угорского или уральского праязыка как чисто агглютинативного представляется не совсем очевидной (см. Korhonen 1974). Таким образом, на глазах теряет силу былое представление об уральском праязыке как о языке, имевшем якобы довольно ограниченный набор морфологических средств и чисто агглютинативную структуру. Меняется и представление о древней структуре предложения уральских языков. Так, если ранее ученые полагали, что предложение уральского языка-основы по своему типу было именным, то в дальнейшем эта точка зрения уступила место другой: уже в прауральском языке должны были употребляться двучленные распространенные предложения (см. ОФУЯ 1974 : 383—392).

Не в разрез с новыми установками, а в определенной степени созвучно с ними считаем справедливым предположить возможность широкого распространения согласования еще в прауральском языке не только между главными членами предложения, что уже не оспаривается языковедами, но и между его второстепенными членами с подчинительной синтаксической связью, в частности, между компонентами атрибутивных соединений.

Относительно истории согласования на уровне формы слова в финно-угорских языках в лингвистической литературе обобщающего характера по традиции отмечается, что в финно-угорском праязыке «препозитивные определения... с определяемыми... не согласовались» (ОФУЯ 1974 : 384). Однако некоторые языковые факты препятствуют констатации данной идеи в категоричной форме, поэтому вышеупомянутая мысль, как правило, сопровождается оговоркой. Например, происхождение согласования в некоторых современных языках объясняется как результат индивидуальных процессов развития, в ходе которого в ветвях языков или отдельных языках появилось согласование препозитивных определения-прилагательного, определения-местоимения и даже определения-числительного с определяемым (ОФУЯ 1974 : 387). Тем не менее нельзя сказать, что данный вопрос финно-угроведами изучался мало. Так как согласование на уровне формы слова из современных финно-угорских языков наиболее широко распространено в прибалтийско-финских и в определенной степени в саамском, именно исследователями этих языков неоднократно ставился вопрос о причинах возник-

* Текст доклада, прочитанного на VI международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985).

новения в них согласования определения-прилагательного с определяемым словом.

По данной проблеме мнения языковедов в настоящее время в общем-то сходятся. Принимая во внимание наличие согласования на уровне формы слова в мордовских языках, они утверждают, что корни согласования в прибалтийско-финских и саамском языках уходят в финно-волжское время и что его развитию способствовало влияние прогрессивного согласования, т. е. обязательного согласования постпозитивного определения с ядерным словом. Иными словами, согласование определения, выраженного прилагательным, с определяемым в препозиции по отношению к последнему получило начало якобы от конструкций типа фин. (*Syö*) *lihaa hyvää* '(Ешь) мясо хорошее'. Среди других причин возникновения согласования указывается влияние согласования между главными членами предложения, а также неполного согласования между частями притяжательных конструкций. При этом не отрицается, что определенную роль в максимально широком распространении согласования на уровне формы слова в прибалтийско-финских языках сыграли впоследствии балтийские и германские языки (см. Bartens 1971—1972; 1981; Itkonen 1966; 1968; Papp 1962; Ravila 1960; Hakulinen 1979).

По-видимому, если рассматривать уральский праязык как одну из форм человеческого языка в эпоху его первоначального становления, можно допустить, что конструкции типа фин. *hyvää lihaa* 'хорошее мясо' своим происхождением обязаны сочетаниям слов с обратным порядком компонентов (*lihaa hyvää* 'мясо хорошее'), однако в прауральский период согласование могло иметь место в обоих случаях. Наличие согласования постпозитивных определений с определяемыми словами в обязательном порядке в прафинно-угорском и даже в прауральском языке, о чем свидетельствуют примеры во всех современных уральских языках, сомнений не вызывает. В противном случае непонятно содержание предложения, подобно тому как и в современном марийском языке для того, чтобы передать идею 'Приходи в наш дом хороший', нельзя сказать *Тол кудышкына у*. В этом предложении прилагательное *у* обязательно должно принять форму падежа определяемого слова *кудо*, поэтому конгруэнция в конструкциях, построенных по модели определяемое — определение, всегда была обязательной, в результате чего хорошо сохранилась до настоящего времени, ср. марийские и удмуртские примеры:

мар.	удм.	
<i>пеледышын ошын</i>	<i>сяськазэ тӧдъызэ</i>	'цветка белого'
<i>пеледышлан ошылан</i>	<i>сяськалы тӧдъызлы</i>	'цветку белому'
<i>пеледышеш ошеш</i>	<i>сяськаысь тӧдъысьтыз</i>	'в цветке белом'
<i>пеледышыш ошыш</i>	<i>сяськае тӧдъыяз</i>	'в цветок белый'

Развитие же согласования между частями атрибутивных сочетаний с обычным порядком компонентов, которое, как склонны думать, в прауральское время также могло иметь большое распространение, с течением времени во многих случаях шло на убыль. Данная гипотеза звучит довольно нетрадиционно. Возникают вопросы: каковы основания для выдвижения предположения о возможности широкого употребления согласования на уровне формы слова еще в уральском праязыке, как можно объяснить слабое развитие согласования между частями атрибутивных синтаксических соединений с обычным порядком слов в отдельных современных родственных языках.

В пользу идеи о широком распространении в прауральском языке регрессивного согласования, т. е. согласования между частями конструкций типа определение — определяемое, говорит ряд фактов.

1. При рассмотрении вопроса о происхождении согласования в прибал-

тийско-финских и саамском языках до сих пор лишь вскользь упоминалось наличие его в мордовских языках и ни слова не говорилось о марийском и пермском материале. Однако, как свидетельствуют языковые факты, эти языки тоже располагают примерами на регрессивное согласование между частями атрибутивных конструкций. Например, в удмуртском языке прилагательные-определения с выделительными аффиксами *-эз (-ез)*, *-ыз* могут согласоваться с определяемыми словами в числе и падеже, например: *сьбэдэз искар* 'черная корова', *сьбодэзлы искарлы* 'черной корове', *сьбодъёзыз искаръёс* 'черные коровы' (УРС 373). Встречаются случаи согласования определения с определяемым словом в марийском языке. Так, из нашего материала, собранного в полевых условиях, следует, что носители уржумского говора восточного диалекта употребляют сочетания типа *куголак коллак ~ коллак куголак (улу)* 'большие рыбы ~ рыбы большие (есть)', где определения полностью принимают форму определяемых. А. Алхониemi, тщательно изучив богатый марийский материал Э. Беке, обнаружил множество случаев согласования прилагательного и причастия с определяемым словом в падеже, например: *me kolāšām jāñām kondāšna* 'wir haben einen Toten gebracht' (Alhoniemi 1983 : 287), *adaḱ kut šñ škñlšñm jeñām por üžän toleš* 'noch läßt der Priester sechs Schlächter kommen' (287); *mālana βñlandā βñln[ö] olšoyoc sajām karaplām kondāda!* 'bringt uns das schönste Schiff der Welt!' (288, ср. также Беке 1911 : 229—230). Другой финский исследователь марийского языка Э. Кангасмаа-Минн в одной из работ, выполненной с использованием материала марийских текстов Э. Беке, А. Рёгули, В. Поркка, Э. Леви, в числе подвергаемых анализу фактов приводит примеры, где согласование наблюдается в таких атрибутивных сочетаниях, в которых определения уподобляются формам определяемых слов и выражены:

а) существительным: *jeñān am tsonām nalān* 'Se vei miehen sielun ~ Se vei mieheltä sielun' (Kangasmaa-Minn 1969 : 57) *kuelakoḱa batāšamātsānām moyāram nijalkala* 'Koivu-eukko vih-too naisten vartaloa' (56); *mare jambālen ik podām kišām* 'Mies valmisti padallisen pikeä' (59);

б) прилагательным: *solḱak tunaleš um surtum āštaš (čaple pörtām, kok pačāšanām)* 'sotilas alkaa rakentaa uutta taloa, kaunistaa pirttiä, kaksikerroksista' (56);

в) местоимением: *māñānām kū oksām šolāštān?* 'Kuka on varastanut minulta rahaa?' (64); *šobātsām pua tsälalan katsāšamātslan* 'Hän antaa kaikille nuorukaisille liinan' (Kangasmaa-Minn 1969) ¹.

Определительные конструкции, части которых связаны согласованием, употребляются и в современной марийской художественной литературе, например: *Тыгайракым почеламутым возыш Элексей тосем* (Колумб 1972 : 116) 'Вот такое стихотворение написал мой друг Элексей'; *Просто мый ужнем эше сайракым илышнам* (Горохов 1974 : 5) 'Просто-напросто я хочу видеть жизнь нашу лучше (букв. лучшую)'; *Ешын кажнын пöрт омсаже комдык почмо уналан* (Горохов 1878 : 11) 'Гостю открыты двери каждой семьи'; *Нүнылан чылаштанат вашмутым каласымыла* (Орай 1973 : 80) 'Им всем нужно дать ответ'; *Шочмо мланде мыланна чылаланат Авана леш* (Там же, 157) 'Родина нам всем приходится Матерью' и т. д.

¹ В отличие от А. Алхониemi Э. Кангасмаа-Минн не видит между частями выделенных сочетаний согласованной синтаксической связи, а рассматривает их как двойные объекты.

2. Неслучайным представляется уподобление препозитивного определения определяемому слову в современных самодийских языках, особенно в ненецком и нганасанском. В частности, Н. М. Терещенко пишет: «Существовало мнение, что элементы согласования, получившие некоторое развитие преимущественно в западных говорах ненецкого языка, возникли под влиянием русского синтаксиса. Материал других самодийских языков показывает, что наиболее развернутое согласование (не только в числе, но и в некоторых падежах) наблюдается в языке нганасанов, до самого последнего времени в силу отдаленности мест их обитания почти не испытывавших на себе русского языкового влияния. В то же время в языке селькупов (в том числе и южных), которые первыми оказались в тесном общении с русскими, этот способ синтаксической связи отсутствует» (1973 : 63). Здесь наблюдается весьма любопытное положение вещей, наталкивающее на мысль о том, что согласование на уровне формы слова, представленное в современных финно-угорских и самодийских языках уподоблением определения форме определяемого как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к последнему, унаследовано от прауральского языка.

3. Древний человек мыслил конкретно, что требовало, как известно, конкретных форм выражения, поэтому есть основание полагать, что сочетания типа мар. *уым кудым (ужам)* 'новый дом (вижу)', где определение имеет ту же форму, что и определяемое, в прауральском языке употреблялись чаще, чем их соответствия типа *у кудым (ужам)* с прилагательным-определением в номинативе. Принятие определения грамматической формы определяемого, нужно полагать, стало дополнительным средством передачи определительной связи. В подтверждение данного мнения можно привести и другие примеры. Во-первых, стремление древнего предка максимально конкретно, недвусмысленно выразить свою мысль оставило отпечаток на притяжательных конструкциях, например, фин. (*meidän*) *talomme* 'наш дом (букв. наш дом-мы)', мар. *тендан кудыда* 'ваш дом (букв. ваш дом-вы)'. Во-вторых, в современных родственных языках широко распространены такие прономинальные синтаксические сочетания, компоненты которых имеют одинаковую грамматическую форму, например: мар. *мылам шкаланем* 'мне самому', *мыйын шкемын* 'моего своего', *тыйым шкендым* 'тебя самого', *тудын шкенжын* 'его самого', *мыланна шкаланна* 'нам самим', *тендам шкендам* 'вас самих', *нунылан шкаланышт* 'им самим', *молылан чылалан* 'всем другим'; удм. *монэ асме* 'меня самого', *тоныд аслыд* 'тебе самому', *сое ассэ* 'его самого', *милесьтым асьмелэсь* 'нашего своего', *тйледды асьтэдыз* 'вас самих'. *соослы асьсэлы* 'им самим', *соосты асьсэдыз* 'их самих'; фин. (*minulle*) *itselleni* 'мне самому'; эст. *minule endale* то же; венг. *Tölk maguktól tudtuk meg* 'Мы узнали от них самих', *valami mást kombinált ki* 'он изобрел что-то другое', *valaki másról volt szó* 'речь шла о ком-то другом', *tiszteltetem édes enyéimet* 'привет от меня моим милым' (венгерские примеры: Майтинская 1960 : 64) и т. д.

Отсюда следует также, что система формальной устроенности языков-потомков прауральского языка могла изменяться по направлению не от простого к сложному, а наоборот: в ходе развития мышления человека и более интенсивного пользования языком те показатели грамматических форм в частях синтаксических соединений, без которых связи и отношения между словами были ясны и которые только загромождали язык, с течением времени вышли из употребления. Ярким примером тому может служить утрата лично-притяжательных суффиксов в угорских (см. Микола 1968) и в отдельных случаях в эстонском языках. Но а в тех случаях, когда явления и предметы необходимо было

называть в конкретно-аналитической форме, конструкции, имеющие для такой формы выражения соответствующее материальное оформление, сохранились наряду с развитием сочетаний, называющих предметы и явления с большей степенью обобщения, ср. мар. *шўм чер* 'сердечно-сосудистые заболевания' и *шўмын черже* 'болезнь сердца'.

В заключение отметим, что изучение истории согласования на уровне формы слова в финно-угорских языках сопряжено со многими проблемами, данный вопрос требует специального большого исследования, но предположение, высказанное в этой статье предельно кратко, думается, не лишено последовательности.

ЛИТЕРАТУРА

- Горохов В. 1974, Поэтыял, Йошкар-Ола.
 — 1978, Чаңт, Йошкар-Ола.
 Колумб В. 1972, Порылык, Йошкар-Ола.
 Майтинская К. Е. 1960, Венгерский язык, ч. III: Синтаксис, Москва.
 Микола Т. 1968, О затемнении лично-притяжательных суффиксов. — CIFU II, 339—342.
 Орай Д. 1973, Чолга шўдыр, Йошкар-Ола.
 Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва (= ОФУЯ 1974).
 Терещенко Н. М. 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
 Удмуртско-русский словарь, Москва (= УРС 1948).
 Alhoniemi, A. 1983, Über die Kasuskongruenz von Adjektiv und Partizip in den tscheremissischen Dialekten. — NyK 85, 281—289.
 Bartens, R. 1971—1972, Zur Kongruenz des lappischen Adjektivattributs. — FUF XXXIV, 31—40.
 — 1981, Suomalais-ugrilaisen kantakielen muoto- ja lauserakenteesta. — Vir., 101—108.
 Beke, Ö. 1911, Cseremisiz nyelvtan. — Finnugor Füzetek 16, Budapest.
 Hakulinen, L. 1979, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Helsinki.
 Itkonen, E. 1966, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki.
 — 1968, Zur Frühgeschichte der lappischen und finnischen Lokalkasus. — CIFU I, Helsinki, 202—211.
 Kangasmaa-Minn, E. 1969, Tšeremissin kaksoisobjekti. — Acta Universitatis Tampereensis 26, Tampere, 55—66.
 Korhonen, M. 1974, Oliko suomalais-ugrilainen kantakieli agglutinoiva? Eli mitä kielihistoriallista rekonstruktioista voidaan lukea ja mitä ei. — Vir., 243—257.
 Papp, I. 1962, Zur Frage der Kongruenz des Adjektivattributs im Finnischen. — MSFOu 125, 399—412.
 Ravila, P. 1960, Adiektiiviattribuutin kongruenssin synty suomen kielessä. — Sananjalka 2, 28—35.

JURII ANDUGANOV (Joškar-Ola)

ZUR GESCHICHTE DER KONGRUENZ AUF DER WORTFORMEBENE
 IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Die Forscher der finnisch-ugrischen Sprachen haben sich bisher bei der Erklärung der Entstehung der Kongruenz zwischen Teilen bestimmter Konstruktionen in den ostsee-finnischen Sprachen hauptsächlich auf Angaben dieser Sprachgruppe und auf Angaben der indoeuropäischen Sprachen gestützt. Dessenungeachtet kann eine solche syntaktische Verbindung auf der Wortformebene nicht nur in den anderen finnisch-ugrischen (z. B. im Marischen und Permischen), sondern auch in den samojedischen Sprachen (darunter im Nghanassanischen, das aufgrund seiner territorialen Abgeschlossenheit noch in der jüngsten Vergangenheit nicht dem Einfluß des Russischen unterlag) festgestellt werden. In Kenntnis dieser Sachlage, aber auch unter Berücksichtigung der Tatsachen bei der Strukturveränderung der uralischen Sprachen hinsichtlich der Befreiung von «überflüssigen» morphologischen Merkmalen in Gestalt syntaktischer Beziehungen zwischen den Wörtern im Satz wird im Artikel eine Vermutung über die Möglichkeit der weiten Verbreitung sowohl der regressiven als auch progressiven Kongruenz auf der Wortformebene noch in der uralischen Periode geäußert. Außerdem wird behauptet, daß sich das System der formalen Einteilung der Tochttersprachen des Uralischen nicht vom Einfachen zum Komplizierten, sondern umgekehrt verändern konnte.